

Ф и л о с о ф и я

УДК 340.12

А.П. Герасименко

ГРАЖДАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Т. ГОББСА

Критические заметки по философии права Томаса Гоббса (1588-1670) на основе русскоязычного издания его сочинений в двух томах и экзистенциального миропонимания.

Ключевые слова: Томас Гоббс, философия права, история политических и правовых учений.

THE CIVIL PHILOSOPHY BY T. HOBBS

Critical notes on philosophy of law by Thomas Hobbes (1588-1670), based on his Russian language edition in two volumes and existentialist disposition.

Key words: Thomas Hobbes, philosophy of law, history of political and law doctrines.

В истории европейской философии и науки, в том числе истории политических и правовых учений, Томаса Гоббса (1588-1679) обычно считают одним из первых последователей Френсиса Бэкона, за которым прочно закрепилась роль продолжателя эмпирико-материалистической традиции. Материалистов здесь привыкли считать если не радикалами-атеистами, то по меньшей мере либералами, которых следует противопоставлять идеалистам как консервативным сторонникам политико-правовой стабильности или реакционным реставраторам благочестиво-церковного порядка. Однако Б. Рассел, по сугубо английскому обыкновению старомодно деливший философов на материалистов и идеалистов, был вынужден признать, что Гоббса «трудно причислить к какому-либо направлению философии. Он был эмпириком, как Локк, Беркли и Юм, но в отличие от них он был приверженцем математического метода не только в чистой математике, но и в ее приложении к другим отраслям знания. Несмотря на это, его теория государства заслуживает тщательного рассмотрения, тем более что она более современна, чем любая предыдущая теория, даже теория Макиавелли» [1]. Конечно же, Гоббс, в отличие, скажем, от того же Ф. Бэкона, не выступал ни с какими политико-правовыми проектами, т.е. он не конструировал юридических идеалов. Вместе с тем его теории общественного договора, естественно-правовых законов, управленческой роли и функций государства вполне очевидно ориентировали на возвращение к закону и порядку, так сильно расшатанным в современной ему Англии разномастными сторонниками освободительных перемен. Гоббс не знал ни Беркли, ни Юма, да и у Локка почерпнуть ничего не мог. Но все названные Расселом англичане, как и многие другие, претендовавшие на просвещенность, без изучения его «Левиафана» не могли считаться образованными людьми, а тем более – философами. Тогда почти никто не отличал философию от науки, поэтому теорию государства и права Гоббс относил к гражданской философии и предлагал изучать ее в университетах по своему трактату, а не по греко-римским раритетам.

Начала собственно английской философии права были заложены такими профессиональными юристами как Д. Фортезкью, Т. Мор, Э. Кок и Ф. Бэкон. Гоббс, как и еще один английский классик – Д. Локк, юристом не был, но его учение о государстве и праве совсем не соответствует той характеристике, которую Бэкон давал философам: «Все те, кто писал по правовым вопросам, рассматривали их либо с философской, либо с юридической точки зрения. Философы говорят много прекрасных, но весьма далеких от практической пользы вещей. Юристы же, подчиняясь требованиям законов своей страны, а также римского или канонического права, не могут высказать независимого, свободного мнения, а говорят так, как будто они закованы в кандалы» [2]. Более того, свободное от юридических кандалов учение Гоббса о государстве и праве гораздо последовательней и прозрачней философии права самого Бэкона, а по своей эвристичности явно его превосходит. Гоббсу, как и некоторым его современникам из других европейских стран, удалось высказать немало такого, чему ни они, ни их окружение большого значения не придавали. Перечитывая классиков сегодня, мы можем лишь удивляться их проницательности [3].

Еще до учебы в Оксфорде Гоббс легко переводил с греческого на латынь Еврипида, поэтому не сумел вынести из университета ничего полезнее и сильнее отвращения к схоластике и античной этике [4]. Как домашний наставник, он вращался в кругах английской знати (к примеру, в 1646-1648 гг. учил математике будущего короля Англии Карла II), из-за гражданской войны значительную часть жизни провел не на родине, а за границей, где его лучше знали, больше ценили и меньше травили за атеизм, хотя Ватикан и включал его книги в список запрещенных (а кого только в эти списки не включали!). Обессмертивший его имя «Левиафан» Гоббс опубликовал в 1651 г. на английском, а свою биографию написал в 84-летнем возрасте латинскими стихами. Он надолго пережил не только Ф. Бэкона, которому помогал с переводами на латынь, но и тоже лично знакомых ему Г. Галилея, П. Гассенди, Р. Декарта. Собрание сочинений Гоббса было опубликовано лишь в 1688 г. и не в Лондоне, а в Амстердаме.

Гоббс – английский европеец, он не знаком ни с литературным, ни с политико-юридическим опытом китайцев, индусов, мусульман, но тем поразительней не столько его уверенность в собственной правоте, сколько невероятная универсальность и живучесть основных его идей. В 1655 г., предваряя публикацию трактата «О теле», Гоббс гордо заметил, что новая философия общества и государства не старше, чем его книга «О гражданине», обнародованная в 1642 и 1647 гг. и написанная в соответствии с естественным человеческим разумом и истинной природой человека (т. 1, с. 68-70). Чтобы познать человеческую природу (а именно так – «Human nature» – Гоббс назвал еще один свой трактат, известный его современникам по рукописи с 1640 г.), которая воплощена в теле одновременно естественном (физическом) и искусственном (политическом), ему пришлось соединить основные принципы естественных наук и физики (основанные на дедуктивных выводах и доступные немногим) с принципами политики (опирающимися больше на житейский опыт и понятные всем) (т. 1, с. 220).

«Философия государства связана с философией морали, но не настолько, чтобы ее нельзя было отделить от последней, – считал Гоббс. – Философия морали рассматривает душевные движения (влечение, отвращение, любовь, благосклонность, надежда, страх, гнев, ревность, зависть и т.д.), равно как их причины и последствия, к которым они приводят. Все это люди познают не только путем научных исследований, но также из собственного опыта, когда дают себе труд наблюдать свои чувства. К философии государства относятся – понимание необходимости создавать государства, а также познать, что такое естественное право, каковы обязанности граждан, каковы права общества при всяких формах правления и пр. Эти вопросы можно решать вообще не изучив таких основ философии как геометрия и физика. Так, исходя из любого вопроса, «например, из вопроса о том, справедливо

или несправедливо какое-нибудь определенное действие, и определив понятие «неправильное действие» как действие, противное закону, понятие «закон» как повеление того или тех, кто обладает властью и правом принуждать, а понятие «власть» как волю людей, устанавливающих такую власть в интересах мира, – мы в конце концов придем к тому, что страсти и душевные движения людей должны быть удерживаемы в известных границах какой-нибудь властью, ибо иначе люди вечно пребывали бы в состоянии войны друг с другом. В этом всякий может убедиться, исходя из собственного опыта и исследуя свою душу» (т. 1, с. 124-125).

Гоббс исходил из того, что «естественным состоянием людей до объединения в общество была война, и не просто война, а война всех против всех» (т. 1, с. 291). Но он почему-то не замечал, что при этом пропускает важные слова о «своих» и «чужих». Ведь в действительности воюют против всех чужих все свои, и мало того, что воюют они непрерывно, первоначально свои охотятся на чужих ради собственного пропитания. Гоббс, наверное из морализаторских соображений, избегает вопроса о всеядности людей, особенно древних, промышлявших охотой и собирательством того, что не доели более крупные хищники. Он предпочитает порассуждать о желудях, которыми в отсутствие виноградных лоз и хлебных колосьев люди питались в незапамятные времена (т. 1, с. 73). Что касается человеческой умиротворенности в государственно-гражданском состоянии, якобы обуздавшем воинственность, то это – лишь видимость. Даже если не говорить о других странах, то он не может не знать, что почва его родины буквально пропитана кровью участников бесчисленных войн – хотя бы с римскими, а затем и нормандскими завоевателями. Все государства, причем везде и всегда, несут на себе отпечаток военного происхождения, т.е. имеют вооруженные силы и воюют с другими государствами [5].

Отметим, что собственный опыт Гоббса был научно-педагогическим, а не политико-юридическим. Просто он жил в тяжкую для англичан пору кровавой гражданской войны, казни короля, парламентско-республиканских и монархически-реставрационных экспериментов, которые несомненно язвили его душу, может быть, даже больше чем непонимание современников и утомительная полемика к ним. Тем не менее, приведенные чуть выше соображения вполне раскрывают ту этику примирения, о которой он говорил всю жизнь в надежде на ее общепонятность. Потому что: «Истина и ложь суть атрибуты речи, а не вещей. Там, где нет речи, нет ни истины, ни лжи» (т. 2, с. 25). Гоббс утверждал и доказывал, что принципы рационального познания зиждутся исключительно на правильном употреблении созданных людьми слов [6]. «Истина может быть лишь в том, что высказано, а не в самих вещах. Поэтому истина – свойство не вещей, а суждений о них. Отсюда ясно, что истину и ложь можно найти только у существ, обладающих способностью речи. Мы заблуждаемся при утверждении и отрицании, когда даем какой-нибудь вещи имя, не соответствующее ей». Ложное утверждение возникает не в процессе чувственного восприятия самой вещи, а из необдуманного высказывания. «Имена определяются не видами вещей, а волей и согласием людей. Отсюда можно также заключить, что первые истины были произвольно созданы теми, кто впервые дал имена вещам, или теми, кто получил их от других». Вместе с тем: «Язык, что паутина: слабые и тщеславные умы цепляются за слова и запутываются в них, а сильные легко сквозь них прорываются» (т. 1, с. 97, 112, 218). Наверняка Гоббс относил себя к сильным, но получилось ли у него прорваться? К тому же нетрудно заметить, что если потомки так и не расслышали его умиротворяющих проповедей, то философствующие из них вполне и всецело превратились в лингвоаналитиков. Правда, предпочитают они теперь говорить не о паутине слов, а о языковых играх.

«Человеческое искусство (искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) является подражанием природе как во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное». С этих слов начинается его «Левиафан, или Материя, форма и власть госу-

дарства церковного и гражданского», посвященный этому самому искусственному животному (политическому телу, государству), которое создано людьми и которое тем самым отличается от естественных (физических, природных) тел. Специально отметим еще, что в государстве «справедливость и законы суть искусственный разум и воля» (т. 2, с. 6). Значит, как таковые, они не могут не отличаться от естественного разума и воли. Тем не менее здесь Гоббс формулирует девятнадцать именно «естественных законов», хотя обнаруживаются им все они в гражданском, т.е. искусственном обществе. Он настаивает: «Закон смешивают с правом те, кто требует делать дозволенное божеским правом, несмотря на запрещение этого законом государства. То, что запрещается божеским законом, не может быть позволено гражданским законом, но и то, что повелевает божеский закон, не может быть запрещено гражданским законом. Право есть естественная свобода, не установленная законами, а оговоренная в них. Таким образом, существует большое различие между законом и правом, ибо закон – это узы, право же есть свобода, и они противоположны друг другу» (т. 1, с. 414-415; т. 2, с. 98-99).

Все это было бы понятно, если бы Гоббс вел речь об отличии законов морали от юридических законов, или о различии между религиозным правом и светским законом, или, в конце концов, хотя бы – об отличии естественного права от государственного закона, но ведь у него государственный закон – тоже естественный закон. Как-то не похожи все эти рассуждения на прорыв паутины латинских юридических наименований. Его 19 (или 20 «естественных законов» [7]) – это попросту смесь общих принципов юриспруденции и постулатов христианской этики. Наверняка он хотел написать вечную конституцию, пригодную для любого государства, а получился у него моральный катехизис христианского толка. Сам «Левиафан» на две трети состоит из библейских цитат, а в трактате «О гражданине» говорится прямо: «Естественный закон совпадает с законом моральным. Поэтому сказанное о естественном законе не совпадает с учениями философов о добродетелях. Естественный закон, собственно говоря, не является законом и является им лишь в той мере, в какой излагается в Священном писании» (т. 1, с. 304). Исходя из того, что человек сотворен Всевышним по своему образу и подобию, сохраняя последовательность, мы должны признавать, что его (человеческие) права – это божьи права, по крайней мере – их подобие. Закон же есть «приказание того лица – будь то человек или совет, – чье указание служит основанием для повиновения» (т. 1, с. 413).

Кроме теории естественных прав-законов, еще одной заслугой Гоббса считается теория общественного договора, лежащего в основании государства. В соответствии с этой теорией – «государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» (т. 2, с. 133.) В результате договора появляется суверен (единоличный или коллективный), обладающий верховной властью, а все остальные превращаются в его подданных. «Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни» (т. 2, с. 129). От Гоббса можно было бы ожидать большей симпатии к теории завоевания, которая более достоверна фактически, чем теория договора – всецело фиктивная по основаниям. Если все свои воевали со всеми чужими, то мир скорее достигался бы покорением (замирением), чем соглашением об объединении. Все свои, объединив усилия, могли гораздо больше преуспеть в распространении своего влияния на других, подчиняя их своим законам. Что и делали на британских островах, скажем, завоеватели из Северной Франции.

Данью упомянутой паутиной слов, несомненно можно считать и его сентенцию об исходном равенстве: «Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей. Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей» (т. 2, с. 93-94).

Ведь Гоббс не может не знать о самом что ни на есть исходном, естественном и совершенно неустрашимом половозрастном неравенстве людей, делающем предполагаемое единодушие крайне маловероятным. Если кто-то когда-то в доисторические времена и договаривался, то это были не все люди и даже не делегаты-депутаты невесть откуда взявшегося огромного множества людей, а скорее некие представители небольшого рода, вероятно, женского пола, говорившие от имени своего потомства. Гоббс был прав: «В естественном состоянии нельзя знать, кто является отцом сыну, если на него не укажет мать. Поэтому он является сыном того, кого захочет мать, и поэтому он принадлежит матери. В естественном состоянии всякая роженица становится одновременно и матерью, и госпожой» (т. 1, с. 366). Кроме разумности приведенных утверждений, о справедливости такого замечания говорит и обычай (в подтверждение Гоббс ссылается на амазонок). Наверное, ему все-таки не стоило бы то ли забывать, то ли умалчивать, что рождаются женщинами не одни сыновья, бывают и дочери. Пожалуй, он не был бы самим собой, если бы не добавил: «Если мать является гражданкой какого-нибудь государства, то тот, кто в этом государстве обладает верховной властью, будет обладать и господством над тем, кто рожден ею, ибо он господин и матери, которая обязана во всем повиноваться обладающему верховной властью» (т. 1, с. 367). И еще: «В естественном состоянии нет понятия сын, ибо всякий родившийся тотчас же оказывается в полной зависимости от того, кому он обязан сохранением своей жизни, то есть матери, отца либо всякого, кто кормит его» (т. 1, с. 290). Какой уж тут договор! Совершенно экстравагантно Гоббс вдруг предлагает обратиться к «естественному состоянию и рассмотреть людей такими, какими они были в тот момент, когда они только что, подобно грибам, появились вдруг из земли уже взрослыми, не связанными никакими обязательствами друг с другом» (т. 1, с. 361). Когда он говорит о человеке как о животном, потому что «животное входит в само определение человека» (т. 1, с. 365), это звучит хоть и грубовато, но вполне достоверно. Но животные – это не бесполое растения, размножающиеся спорами, а двуполые живорожденные особи, чье появление на свет невозможно без оплодотворения самки самцом. Единственное, что в этом случае может хоть как-то оправдать аналогию Гоббса, – это идея материального единства всего живого [8].

Гоббс рассуждал о природе человека трезво, не без иронии и в духе британского здравомыслия. Он полагал, что «до появления прочных соглашений и законов люди, подобно животным, не знали ни справедливости, ни несправедливости и не имели понятия ни о добре, ни о зле» (т. 1, с. 237). Он знает, что сами слова «добро» и «зло» всегда употребляются в относительном смысле. «Каков бы ни был объект какого-либо человеческого влечения или желания, – это именно то, что человек называет для себя добром; объект своей ненависти или отвращения он называет злом». Так как для различных людей предметом влечения и отвращения являются различные вещи, то должно существовать много вещей, которые для одних – благо, а для других – зло. «Так, для наших врагов зло то, что для нас благо». «Порой многие вещи, часть которых является благом, а часть – злом, так тесно связаны между собой, что их нельзя отделить друг от друга. Следовательно, хотя каждая отдельная вещь сама по себе есть только благо или только зло, все же их совокупность есть отчасти благо, а отчасти зло. В результате неопытные люди, которые не способны представить себе отдаленные последствия вещей, конечно, слепо принимают все, что на первый взгляд представляется благом, не замечая связанного с ним зла, чтобы потом горько поплатиться за свою неопытность» [9]. В силу всего сказанного, «никакое общее правило о том, что есть добро и что – зло, не может быть взято из природы самих объектов, а устанавливается или каждым отдельным человеком соответственно своей личности (там, где нет государства), или (в государстве) лицом, представляющим государство, или арбитром, или судьей, которого расходящиеся во мнениях люди изберут по взаимному соглашению и чье решение они сделают указанным правилом» (т. 2, с. 39; т. 1, с. 239-241).

Этика (моральная философия), в отличие от онтологии (первая философия) и естественной философии (физика) говорит о добре и зле изучая нравы. «Если нравы хороши, их называют добро-

детелями, если же они плохи – пороками. Но так как не для всех хорошо и плохо одно и то же, то одни и те же нравы некоторыми одобряются, а другими порицаются, т.е. некоторыми расцениваются как хорошие, другими – как плохие, одни называют их добродетелями, другие – пороками». Только в государстве существует «общая мера для добродетелей и пороков. И такой мерой могут поэтому служить лишь законы каждого государства. И эта мера существует во всех государствах, несмотря на то, что в каждом из них есть бесчисленное множество законов, равно как и то, что эти государства имели некогда иные законы. Даже если известные действия, считающиеся в одном государстве справедливыми, в другом считаются несправедливыми, то справедливость как таковая, т.е. подчинение законам, везде одна и та же и таковой остается» (т. 1, с. 257-258).

Здесь бы Гоббсу нужно было все-таки сказать, что он не отличает морального закона от закона юридического, что, хотя он и видит разницу между законами природы и законами морали, понятную ему разницу между юридическим и этическим в данном случае он просто игнорирует. Ведь уж ему-то, как мало кому еще, удастся прорвать паутину слов. Резюмируя свое учение о нравах, Гоббс пишет: «Добрыми нравами, т.е. моральными добродетелями, являются такие нравы, благодаря которым однажды возникшая государственная организация лучше всего может сохраниться. Но все добродетели заключаются в справедливости и милости. Это значит, что склонности, противоречащие этим добродетелям, безнравственны и все пороки заключаются в несправедливости и бесчувственности к чужим страданиям, т.е. в отсутствии милости» (т. 1, с. 259).

Гоббс считал основными элементами человеческой природы разум и страсть. Страстями, заставляющими людей стремиться к миру, он называет «страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежду приобрести их своим трудолюбием» (т. 2, с. 98). К войне же людей толкают такие не менее сильные склонности их природы как соперничество, недоверие, жажда славы (т. 2, с. 95). Он утверждал, что «все страсти состоят из влечения и отвращения, за исключением чистого наслаждения и чистого страдания, которые являются только результатом познания добра и зла» (т. 1, с. 207). «Влечение и отвращение – первые импульсы животного движения» (т. 1, с. 206). «Жизненное движение есть беспрестанное круговое движение крови по венам и артериям, как это неопровержимо доказано первым наблюдателем этого факта моим земляком Гарвеем» (т. 1, с. 205). «Где бы движение, исходящее из какого-либо объекта, ни затронуло ощущающего субъекта, оно каким-нибудь нервом передается мозгу» (т. 1, с. 195). «К одной и той же вещи можно испытывать то влечение, то отвращение в зависимости от того, считают ли ее полезной или вредной». Чередование влечения и отвращения, влекущее ряд представлений, есть размышление. Если размышления нет, то остается только влечение и отвращение. Если после размышления возникает влечение, то это – желание или воля, а если возникает отвращение, то – нежелание (т. 1, с. 206).

Полагая, что природа всех людей одинакова, Гоббс считал – «не существует никакого иного разума, кроме разума отдельных людей и разума государства» (т. 1, с. 422-423). Отдельный, индивидуальный разум – это разум размышляющего человека, который обычно ошибается, хотя стремится к истине. Разум государства, как и разум церкви, – это коллективный разум. Если государство христианское и церковь христианская, то они сливаются в одно целое, т.е. истинный разум воплощен в государстве [10] При этом государство не просто воплощает истинный разум, оно обязано оценивать, насколько индивид проникся этим истинным разумом. Человеку Гоббс не доверяет, потому что не доверяет его размышлению – колеблющемуся рассуждению между надеждой (влечением) и отчаянием (отвращением). Сам он верит разве что только в себя да в истинный разум, т.е. он верит божественному слову (логосу), которое было в начале и которое было богом. Призывая своих читателей «подражать акту творения», Гоббс и сам отнес истинный разум к Библии, а собственное внимание сосредоточил на естественном человеческом разуме, утверждая, что в разделе «Логика» своего трактата «О теле» зажег светоч разума (т. 1, с. 71) [11].

Поистине, в реальной действительности нет ничего кроме тел (вещей) и движения (сил) [12]. И если Гоббс больше претендовал на создание не «политической математики», а «политической механики», то у него получилась скорее не она, а «политическая физиология». За его пониманием естественного, как видно, скрывается человеческий мозг, нервная система, кровообращение и больше ничего. В действительности «жизнь сама по себе есть лишь движение и так же мало может протекать без желания и страха, как без ощущения». В земной жизни «постоянная удача в достижении тех вещей, которые человек время от времени желает, т.е. постоянное преуспевание, есть то, что люди называют счастьем» (т. 2, с. 47). «Счастье, под которым мы понимаем непрерывное удовольствие, состоит не в том, что мы в чем-то преуспели, а в самом преуспевании» (т. 1, с. 536-537). Ну, а ценность человека, как и следовало ожидать от англичанина, который твердо знает, что «деньги – это главная сила» (т. 1, с. 394) [13], «подобно всем другим вещам, есть его цена, т.е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого» (т. 2, с. 66-67). Цинично? Зато честно!

Еще влюбленный в Европу и не побывавший в Англии, подытоживая свои пока сугубо немецко-книжные размышления о ней, А.И. Герцен заметил, что в политико-правовых вопросах здесь «все стремятся прежде всего показать себя консерваторами: все двигаются спиной вперед и не хотят сознаться, что идут по новой и неразработанной почве». Правда, он тут же признал, что под его заключение не подходят Шекспир и Гоббс. С Шекспиром ясно. Ведь это он задолго до герценовского «кто виноват?» спросил «быть или не быть?» С Гоббсом сложнее. Неистово критичный не только к императорам России, но и к любым иным авторитетам, Герцен посчитал, что Гоббс был «человеком страшным в своей безбоязненной последовательности». Его учение «мрачно и сурово», он не дрогнул «с мужеством цинизма, в глаза своему отечеству, Англии, высказать, что она в одном деспотизме находит условие гражданского благоустройства» [14]. Пропитанный тогда антидеспотическими идеалами республиканизма и народоправства, Герцен не мог принять ни этики, ни социально-политической философии Гоббса, но уже вполне разделял его онтолого-гносеологические установки.

После двенадцати лет жизни в Англии, в связи с размышлениями о Дж. С. Милле и Р. Оуэне, он писал уже о демократии с полным знанием дела и как будто сегодня: «Европа нам нужна как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надобно выдумать.» В самом передовом тогда государстве, дававшем приют свободолюбивым изгнанникам из разных стран, он вдруг понял известное еще дальним предкам Гоббса: «Чем страна свободнее от правительственного вмешательства, чем больше признаны ее права на слово, на независимость совести, тем нетерпимее делается толпа, общественное мнение становится застенком; ваш сосед, ваш мясник, ваш портной, семья, клуб, приход держат вас под надзором и исправляют должность квартального» [15].

По иронии судьбы, на заре XXI в. концепции таких столпов консерватизма как Томас Гоббс превратились в программу новых либералов. Сегодня стандартные идейно-политические представления о левых и правых, либералах и консерваторах мало соответствуют действительности. Ограничимся пока этой констатацией и не станем углубляться в аналитику идейно-политического спектра. Бесспорно одно – написанное четыре сотни лет назад англичанином по поводу сути политико-правовой действительности читается не без интереса, хотя и не без труда. Выход Великобритании из Евросоюза, начатый после референдума 2016 г., – очевидное свидетельство английского патриотизма и нежелания расставаться с правовой системой страны, остающейся неизменной с незапамятных времен, в угоду всем надоевшей евроинтеграции.

---

1. См.: Рассел, Б. История западной философии. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – С. 619-620. Рассел, как помнится, тоже считал себя математиком. В сказанном им о Гоббсе нет ничего удивительного, потому что Гоббс,

рассчитывая на благосклонность английского государственного руководства, обращался в «Левиафане», скорее, не к нему (как Макиавелли в «Государе» к своим правителям), а к самому народу, издавая книгу на английском.

Прислушавшись к нобелевскому лауреату и в очередной раз перечитав английского философского классика, мы не смогли не обратить внимания на явный морализм его правового учения. Труды Гоббса (Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1; 1991. – Т. 2) цитируются нами по этому изданию в круглых скобках прямо по тексту. Раньше этот материал публиковался в: А.П. Герасименко *Англо-американская философия права*. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2016.

2. См.: Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 1. – С. 506.

3. Литература о Гоббсе огромна, разброс оценок велик. Разделы о нем есть во всех академических работах по истории политических и правовых учений. У основателя отечественной ветви этой науки, Б.Н. Чичерина (1828-1904), сказано: «Первый писатель Нового времени, который из чистых начал естественного права развил полное и систематическое учение о государстве, был англичанин Томас Гоббс». Вместе с тем либерально настроенный русский юрист, хорошо знавший английскую литературу, не принимал консерватизма и заключал: «Несмотря на всю неустранимость своей логики, Гоббс не решился идти до конца и совершенно принес в жертву нравственность и религию произвольным предписаниям государственной власти» (См.: Б.Н. Чичерин. *История политических учений*. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006. – Т. 1. – С. 416, 432). Гоббс не нуждается в нашей поддержке, но и непогрешимым гением науки считаться не может, оставаясь лишь глубоким кладом вечной философии.

4. Он делил всех ученых на «математиков» и «догматиков». Сам большой поклонник математики, догматиками Гоббс считал тех, кто, «не будучи действительными учеными, надменно выдают свои мнения за истины, хотя эти мнения не подкреплены никакими доказательствами, основанными на опыте или цитатах из Писания, не допускающих различного толкования». Если верить ему, то получается – «все те, кто писал о способностях, страстях и привычках людей, т.е. о моральной философии, политике, правлении и законах, относительно которых написано огромное множество томов, не только не уменьшили сомнений и споров, касающихся обсуждаемых ими вопросов, но и увеличили их. В настоящее время нет никого, кто бы знал об этих предметах больше того, что написал о них две тысячи лет назад Аристотель, и, однако, всякий воображает, что знает о них не меньше, чем всякий другой. Всякий также убежден, что для приобретения точных знаний в этих областях достаточно природного ума и вовсе не требуется специального изучения, для которого следовало бы прервать свои развлечения или пожертвовать временем, посвященным заботам о приобретении богатства и чинов. Причина малого успеха упомянутых авторов заключается, таким образом, в том, что они в своих трудах и рассуждениях берут в качестве принципов общераспространенные мнения, не исследуя, правильны они или ложны, между тем как эти мнения в большинстве случаев являются ложными» (т. 1. с. 570-571). Сам Гоббс, похоже, был абсолютно уверен, что при всей категоричности сказанное никак не распространяется на него самого.

5. Уинстон Черчилль (1874-1965), тоже нобелевский лауреат (но совсем не пацифист, как Рассел) и британский национальный герой, подытоживая свои воспоминания о 1918-1925 гг., написал: «История показывает, что война – удел человеческого рода. За исключением только коротких и случайных перерывов, на земле никогда не было мира. Когда история еще не начиналась, земля была полна убийственных распрей. Но современное развитие войны требует от нас особенно строгого и внимательного отношения». В прошлые века «сила жизни всегда перевешивала силу смерти. Только на заре XX в. нашей эры война фактически заняла первое место в ряду причин уничтожения человечества» (См.: У. Черчилль. *Мировой кризис. 1918-1925*. – Изд. 4-е. – М.: Либроком, 2009. – С. 310-311). Черчилль успел написать мемуары и о войне 1939-1945 гг. По далеко не совершенным подсчетам К. Райта, в XV в. произошло 9 военных столкновений, в XVI в. – 87, в XVII – 239, в XVIII – 781, в XIX – 651, а в первой половине XX в. – 892 (См.: Э. Фромм. *Анатомия человеческой деструктивности*. – М.: АСТ, 1998. – С. 283).

6. Гоббс пишет: «Но когда нам говорят о самодвижении или самозарождении, о видах, силах, субстанциональных формах, бестелесных субстанциях, инстинкте, действии двух противоположных качеств (антиперипатетика), антипатии, симпатии, скрытых качествах, то все это пустые схоластические формулы, не имеющие никакой научной ценности» (т. 1, с. 218).

7. По Гоббсу, «двадцатый закон природы: против пьянства и всего, что мешает действию разума». «Люди разрушают или ослабляют способность разумно мыслить, когда совершают действия, приводящие к утрате разумом своего естественного состояния. Наиболее очевидный пример такого состояния являются пьяные и захмелевшие. Следовательно, двадцатым нарушением закона природы является пьянство», – пишет не мусульманин, а представитель народа-создателя «пабов» (пивнушек) и знаток Библии, как бы забывая, что первым чудом, которое продемонстрировал Иисус, было превращение воды в вино (т. 1, с. 304, 314-315).

8. Наверное, поэтому он пишет: «Возникновение человека приблизительно сходно с возникновением растений. Материей растений является сама земля. Последняя пробуждается под действием лучей солнца, а затем благодаря самостоятельному движению семени формируется в соответствующий вид растения. Соответственно этому и при возникновении человека материей зародыша является кровь матери, которая приводится в движение оплодотворяющим соком обоих родителей и из которой формируется человеческое тело. Я ограничиваюсь по отношению к рассмотренным вопросам вышеприведенными краткими указаниями, предоставляя возможность более подробного рассмотрения их другим. Если эти исследователи, внимательно рассмотрев органы

размножения и питания, не убедятся в том, что эти органы созданы и приспособлены к своим функциям неким умом, то воистину придется отказать в уме им самим» (т. 1, с. 225-226).

9. «Первым из всех благ является самосохранение. Ибо природа устроила так, что все хотят себе добра. Но чтобы каждый мог достигнуть его, необходимо желать жизни и здоровья, а также гарантии сохранения обоих этих благ и в будущем, поскольку его можно обеспечить. С другой стороны, в ряду всех зол первое место занимает смерть, особенно смерть мучительная. Еще худшим злом, однако, являются страдания, причиняемые жизнью; последние могут стать особенно сильными, так что, если им не предвидится близкого конца, смерть может показаться благом в сравнении с ними» (т. 1, с. 241).

10. «Христианское государство и церковь, образуемые одними и теми же людьми, есть совершенно одно и то же, называемое двумя именами в силу двух образующих причин. Ведь и у государства, и у церкви одна и та же материя, именно – те же христиане. И коль скоро речь идет о людях, мы называем их объединение государством, если же речь идет о христианах, то это же объединение называется церковью» (т. 1, с. 478).

11. «Я сознательно обхожу вопросы о бесконечности и вечности, довольствуясь тем учением о величине и возникновении мира, которое дает Священное писание и подкрепляет слава чудес, а также обычай предков и надлежащее уважение к законам» (т. 1, с. 210). «Возникновение мироздания и его расчленение никому, кроме творца, неизвестны. Поэтому-то мы и верим, что сотворение мира произошло так, как об этом рассказывает Моисей в святом законе» (т. 1, с. 222).

12. «Все имеющие наименование вещи могут быть разделены на четыре класса: тела, акциденции (свойства), образы воображения (*phantasmata*) и сами имена» (т. 1, с. 114).

13. Но моралист в его английской душе не дремлет и заставляет признать: «Любовь к деньгам постыдна, ибо она характеризует человека, готового за соответствующую мзду идти на что угодно» (т. 1, с. 245).

14. См.: Герцен, А.И. Письма об изучении природы // Собрание сочинений в 8 т. – М.: Правда, 1975.– Т. 2. – С. 304, 264.

15. См.: Герцен, А.И. Былое и думы // Там же. – Т. 7. – С. 59, 213.